

публицистика

МИХАИЛ АНОХИН

ПИСЬМА К ДРУГУ

(через годы)

После долгого перерыва, вызванного как всегда не столько душевной ленью, сколько необходимостью хотя бы малого приложения физических и умственных сил для воплощения в слово (письменное), то, что мыслилось и главное – чувствовалось в своей дословесной глубине.

И вот повод – твоя поэзия, – появился. Она приободрила меня так, как старой кавалерийской лошади придают известную прыть шенкеля. И я поскакал. Но по порядку.

↓

Прочитал твои стихи в журнале «Огни Кузбасса» и скажу откровенно – сильные стихи, мастеровито сделаны и, конечно же, искренне правильные.

Да иначе и быть не могло, потому как коренные мы, сибиряки.

Прочитал и прозу твою, точнее публицистику «МАТУШКА-ЗЕМЛЯ» Размышления по прочтении очерков Анатолия Байбородина.

И тоже мысль о русском языке правильная, ибо пока есть русский язык, есть и Россия, объединяющая в себе и собой разные этносы.

Вот тут идут споры о том, что де, мол, в Конституции не упоминаются русские, что у всех иных и прочих народов есть своя национальная территория, а у русских её нет. Ну и так далее.

А в ум не возьмут, что все государство, не какое иное, а Российское, а ведь совсем недавно русских называли Росами.

Вспомни известное стихотворение Державина на взятие турецкой крепости Измаила, ставшее гимном

«Гром победы раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрес...»

Возвращаясь к русскому языку, я все-таки надеюсь, что сам фонетический строй и синтаксис сумеет переработать весь этот вал иностранщины, как уже бывало в истории нашего языка с тюркизмами, с франко-германскими языковыми взбросами.

Ядро языка скрыто в мышлении, то есть в том мраке доязыкового оформления мысли. Мы в практике имеем дело с мыслью, которая перешагнула языковой порог и стала явленной, то есть осознанной и запросилась на волю, то есть запросилась выразить себя фонетически.

Однако пока, в общем и целом видна забота о форме языка, а о сути, о глубине мало думают.

То есть о самом главном, о матрице русской души, о том на каком языке мы описываем мир, каким языком мы выражаем свои чувства не вовне, то есть не в форме произнесенного, а в глубине доформенного их переживания и осмысления.

То есть о том, что происходит в темноте и беззвучии нашего мозга, откликающегося на душевно-духовные состояния человека.

Нет должного понимания о духе, хотя великое множество слов производных от этого понятия.

Что-то очень похожее на то, как бы была материальность (духовность), а материи (духа) не было бы.

Забота о русском языке принимает, на мой взгляд, нечто такое, что присуще сейчас нашей церкви – обрядоверие. По сути дела это следствие всепроникающей бациллы юридизма.

Если вы хотите угробить живое дело, то доверьте это юристу. Никто лучше, чем он, не сможет убить живое и забальзамировать труп в форму закона.

Думается мне, многие, не понимая всей глубины языковой структуры, пытаются обойтись внешним обрядовым действием по отношению к русскому языку. И вообще к любому иному языку!

Особенно это видно в правописании, так как первое о чем начинают разговор, так это о запятых и точках и, конечно же, о «беглых гласных» и прочей орфографии.

Так обрядовер искреннее считает, что если он правильно выберет икону и поставит перед ней толстую сторублевую свечу, то желаемое сбудется. А уж если посетил Афон, то сразу и свят! Ну, как мусульманин – прикоснулся в Мекке к Каабе – все – святой!

Еще раз повторю – русский язык – это мировидение, или – мироописание, если угодно – мировоззрение и мирочувствие, и

это все скрыто в доязыковой темноте нашего мозга.

Вот эту матрицу, эту структуру можно называть как угодно, но она есть как факт, как особенность работы мозга, и об этом очень хорошо доступно и понятно говорит в своих лекциях *Татьяна Черниговская — российский нейролингвист и экспериментальный психолог, доктор филологии и биологии, член-корреспондент Норвежской академии наук.*

А тебе огромное спасибо за доставленное удовольствие от стихов и от этого очерка.

Пока плачет душа – ни хрена не делается русскому языку, а это означает, что российская государственная матрица будет воспроизводить одно и то же – русское – шире российское государство. Плохо, что пока что только плачет. Плачет и не ведает причин своих слез. Всего доброго.

II

Ты пожаловался на то, что в России стало слишком много «мыслящих по-другому».

Что ж ты хочешь? С запада пришло к нам новое евангелие, и мы поклонились ему. Я сам был адептом его и с придыханием в голосе вещал что-то о правах человека, совершенно забыв, что их не бывает без обязанностей.

Слава Богу, пришло озарение, что это сатанинский тезис, действующий как едкий натр на биологическую основу жизни. Но как же привлекательно было следовать этому евангелию!? Как всё откликлось в моем нутре на его призывы?!

И сила сатанинская как раз, дрогой мой друг, обращается к самому нутряному, что только есть в человеке!

Успокойся, таких – "мыслящих по-другому" станет еще больше! И они будут разнузданно-агрессивные. И не оставят места для тех, кто мыслит иначе!

О, не сомневайся – они придут не расслабленные и безвольные, пораженные вирусом толерантности – нет они будут решительными, смелыми и главное – не стесненными в средствах!

Что касается твоего редактора, так не всякий названный редактором и есть редактор, как не всякий поименованный и даже (с корочками СП России) есть поэт.

Тобой приведенные стихи соответствуют канонам русской

литературы, которая допускает и неточные рифмы и рифмы глагольные и пропуски ударных слогов.

Но если все это оправдано сверхсмысловым содержанием, без чего нет поэзии.

Что касается знаний того, чем и как пишет поэт – анапестом или хореем – это относится не к поэту, а к последующему анализу стиха.

Анализ, конечно, показывает состав и компоненты анализируемого, но убивает в нём жизнь.

«Поэзия – искусство речи, которая умеет не нарушить говорящего молчания, потому что дает слово именно ему. Благодаря слову поэзии и мысли простор тишины, место мира как-то еще присутствует в информационную эпоху, когда кажется что дело мира окончательно проиграно и всё захвачено механическим разглашением.

Выбор между ловким и неловким словом не первый и не главный в так называемой работе с текстом. Более важный выбор проходит между молчанием и словом, т. е. риском – так или иначе задеть истину». (В.В. Библихин. «Слово...»)

Прочитай И.М.Бахтина «Эстетика словесного творчества»

Даже в точных науках всякому знанию предшествует интуитивная убежденность что ЭТО (нечто) ТАК и не иначе.

"Когда вы убедитесь, что теорема верна, вы начинаете её доказывать". (Пойа – математик.)

Настоящий поэт еще на уровне досознания (в молчании полного смысла!) отбирает и сортирует слова.

«Немецкий писатель–экспрессионист Г. Бенн назвал свою автобиографию «Двойная жизнь», подчеркивая не тождество «жизней» двух фигур — себя как индивида и себя как Автора.

Легко усмотреть, что обе описанные антиномии доходят до особенной остроты в сфере лирики, но отнюдь ею не ограничиваются». (С. Аверинцев.)

Так что можешь сколько угодно «мыслить по-другому», но

останется в истории русской литературы, до тех пор, пока есть русский язык, только то, что помыслено «правильно» (близко к истине). А истина заключена в самом строе языка, в его звуках и ритме. Ведь недаром же божественный логос отождествляют с языком! И, конечно же, Иисус Христос призывал к себе, ибо он и есть истина, делающая человека свободным.

«Всякое стихотворение, это реорганизованное время, – писал Бродский, – и чем более поэт технически разнообразен, тем интимнее его контакт со временем, с источником ритма».

Что касается «любящих масс, то еще Джон Элиот сказал:

«Чтобы нравиться одному, надо в миллион раз больше, чем для того, чтобы нравиться миллиону».

Не много ума и таланта надо для того, чтобы удержать толпу (публику) в состоянии экстаза (эйфории). Сужу по опыту чтения собственных стихов в аудиториях и главное – по обширной практике общения с десятками тысяч людей во время шахтерского бунта. Чем больше толпа – тем легче. Всего тебе доброго.

III

Изменяется язык – меняется и душа народа. Исчезает язык – исчезает народ. Национализм малых народов – явление обоснованное и даже вполне понятно, отчего прибалты насаждают свой язык. К сожалению, мир устроен и жестко и жестоко. Он не любит благодущных. Что касаясь русских, то это все-таки не народ в том смысле, что русский не является чисто славянским этносом. Меня всегда завораживает перечень племен вошедших в состав Киевской Руси – поболее пяти десятков! При этом тогдашняя русско-киевская элита было двуязычной. То есть владела помимо своего – славянского (с его диалектами) еще и тюркским. Эта способность – особенно женщин, принимать в своё лоно чужие этносы и создавала то первоначальное ядро русскости.

Русский народ был и остается пока еще "клеем", который склеивает все народы в единую общность – российский народ. Если этот клей отвердеет, такое может быть, то есть замкнется на себе – это будет катастрофой для России.

К сожалению этого не понимают и к этому даже призывают недалекие люди, которые требуют некоего особенного статуса для русского этноса, которого на самом деле давно нет!

Есть народ России говорящий на общем русском языке. Русские давным-давно растворены в массе всех этих чувашей, мордвы

челдонов, кержаков, марийцев, финнов, угров, шорцев, алтайцев и так далее.

Уже четко обозначен даже русский еврей, о чем хорошо сказал Пихнос Полонский в своих лекциях.

Кто пытается выделить из всего этого «чистое славянское золото», тот мало что смыслит в истории вопроса, да и вообще в истории.

Душа русского человека атакована со всех сторон, русский человек (ну, так себя позиционирующий), разорван внутри себя. Он не цельный, а мечущийся субъект между желаниями эвдемоническими и православной аскетикой.

Русский человек находится в положении жестокой прелести, и нет никакой принципиальной разницы (духовной) между шахтером и банкиром. Возможности разные.

Нет разницы между тем, кто вырастил урожай на своем огороде и вышел с ним на рынок, и тем, кто торгует привозным. Оба хотят одного – продать как можно дороже!

Шахтер хочет получить за свой труд большее вознаграждение.

А владелец шахты снизить свои расходы на всё, начиная от средств техники безопасности до налогов и зарплаты.

В мире, измеряемом прибылью, все, решительно все порченые! Здоровых людей найти невозможно! Разве что в глухих сибирских деревнях – этих заповедниках подлинной русской души.

Разница только в том, что один осознает, что он «порченный» другой даже возмущается, когда ему ткнут в глаз – «порченный»!

Одни пытаются себя очеловечить – другие стоят в гордой позе: «А чё? Рази я не человек, что ли?»

Как сказано: «Греху в этом мире быть! Но горе тому, через кого этот грех приходит в мир». Всего доброго!

IV

Вот ты пишешь мне: «Смотрю, все воюешь!? В последнее время часто у тебя встречаются мысли о том, что мир заполнили графоманские стихи... Может, и прав, только вот кто и как определяет, где поэзия, а где туфта? Кто вправе судить? Берешь ли ты на себя такую смелость с уверенностью, что истина на твоей стороне? Я вот никогда не рискну... При нашей-то жизни мы не раз становились свидетелями, как одного и того же то превозносили до небес, то смешивали с грязью. Это с одной стороны... С другой же, на вкус и на цвет... И чем сильнее личность, тем субъективнее мнение... Ну, не существует "истины в последней

инстанции"... Наиболее справедливый судья – время, хотя и там, в каждом времени, свои махинаторы и интерпретаторы. Ох, нелегкий это вопрос и к тому же неблагодарный...»

Дорогой мой!

Тут нет ничего сложного на самом деле. Есть русская – шире, православная культура и она – женщина нравственная.

Иначе сказать, она есть эстетика и этика в одном «флаконе», и вот эту-то незыблемость её духовной основы, пытаются заменить новыми ценностями, сформулированными в смысловом ядре течения **Нью Эйдж**.

(англ. **New Age**, буквально «новая эра»), религии «нового века» — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

Мы пока что умеем только страдать по утрате корней, и наиболее тонкие натуры – писать стихи или вот такую публицистику, которой пронизаны очерки так полюбившего тебе автора из Красноярска.

Знаний мало, и поэтому мало осознанных действий, направленных против течения или «бегства к пропасти». Тут, пожалуй, и кавычки излишни.

А надо бы самым тщательным образом прочитать книжки этого сатанинского культа, ибо сделано злое дело не просто коварно, но на высоком интеллектуальном уровне, даже изящно!

Конечно, есть в России, как не быть!, люди с мощным интеллектом, которые вскрывают эти «консервы» скальпелем разума и показывают, какие черви в них приготовлены для российского народа.

Но это люди не раскрученные, да и тексты их не доставляют радости и восторга, а напротив, как всякая правда – гнетут.

Поэтому дело их, а, следовательно, всех «плакальщиков» и «стональщиков» проиграно. Будущее за теми, кто идет по жизни, приплясывая. Потому что Бог «истек под нашими ножами»!

И что остается, если нет Бога?

«Этот венец смеющегося, – говорит персонаж трижды оболганного Ницше, – этот венец из роз, – я сам возложил на себя этот венец, я сам признал священным свой смех. Никого другого не нашел я теперь достаточно сильным для этого».

Теперь и действительно, где найти сильного, чтобы стоять в этом обезбоженном мире? Нужно сойти с ума или войти в смех!

И там, в смехе, утонуть, погрузиться и наполнить легкие смехом, чтобы можно было дышать.

Вспомни, друг мой, как мы дружно смеялись над персонажами Хазанова, а еще раньше Райкина? Какой смех раздирал нас от других шутов этой сатанинской сцены? Но задолго до этого сказано было:

«Заратустра танцор, Заратустра легкий, машущий крыльями, готовый лететь, манящий всех птиц, готовый и проворный, блаженно-легко-готовый. Заратустра вещей словом, Заратустра вещей смехом, не нетерпеливый, не безусловный, любящий прыжки и вперед, и в сторону; я сам возложил на себя этот венец! Возносите сердца ваши, братья мои, выше! все выше! И не забывайте также и ног! Поднимайте также и ноги ваши, вы, хорошие танцоры, а еще лучше – стойте на голове!»

Именно те, кто сейчас стоят на голове, диктуют нравственные и моральные ценности! А кто по-прежнему пытается стоять на ногах, у тех кружится голова и начинается тошнота.

Их рвет жизнью. Жизнью, из которой исчез Бог. Хорошо еще если местами осталась его оболочка в виде церкви, как напоминание о нём.

Кто не в состоянии переносить ежедневную рвоту, кончают жизнь самоубийством. Но многие привыкают. Привыкают и улыбаются как душевнобольные в скорбном доме.

∨

«Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал:

"Я ищу Бога! Я ищу Бога!"

Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот.

–Он что, пропал? – сказал один.

–Он заблудился, как ребенок, – сказал другой. – Или спрятался? Бойтся ли он нас? Пустился ли он в плавание? Эмигрировал? – так кричали и смеялись они вперемешку.

Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом.

"Где Бог? – воскликнул он. – Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад,

в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли среди бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаяющих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами – кто смоет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его?

Никогда не было совершено дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!"

Здесь замолчал безумный человек и снова стал глядеть на своих слушателей; молчали и они, удивленно глядя на него. Наконец, он бросил свой фонарь на землю, так что тот разбился вдребезги и погас.

"Я пришел слишком рано, – сказал он тогда, – мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам – весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звезд нужно время, деяниям нужно время, после того как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, – и все-таки вы совершили его!"

Рассказывают еще, что в тот же день безумный человек ходил по различным церквам и пел в них свой *Requiem aeternam deo*. Его выгоняли и призывали к ответу, а он ладил все одно и то же:

"Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога?"

Всего тебе доброго в это не доброе время.

